

Цин Янь вместе с Цю Хэнянем вернулся домой, в то время как у Лю по-прежнему царил оживленная суэта — в доме толпилось множество людей.

Жене Лю Фа не потребовалось готовить обед, она лишь сказала, что нужно сделать, а многочисленные помощники уже засучили рукава и принялись за дело. К этому моменту блюда были выставлены на большой круглый стол.

Жена Лю Фа настойчиво держала за руку Шэнь Вэня, который собирался уйти, и уговаривала:

— Не уходи, поешь с нами, а потом возвращайся. Все, кто помогал, остаются ужинать, одного тебя точно не хватит.

Шэнь Вэнь покачал головой:

— Мне нужно вернуться домой готовить, свекровь ждет.

Жена Лю Фа только вздохнула:

— Она взрослая женщина, не умрет с голоду. Послушай меня, оставайся поесть.

Окружающие тоже подключились к уговорам, и Шэнь Вэнь в конце концов кивнул, уступив.

На столе красовались большая чашка тушеной свинины с капустой и лапшой из крахмала, тарелка жареных овощных шариков, чашка супа с мучными клецками, миска дикорастущей зелени, тушеной с тофу, и большая тарелка солений. Основным блюдом были маньтоу, приготовленные из смеси пшеничной и кукурузной муки. Всего было сварено две огромные кастрюли, чтобы хватило всем.

Хотя мясных блюд было немного, в основном вегетарианские, это все равно считалось изысканным угощением для обычной семьи.

Все сели вокруг стола, в одной руке держа маньтоу, а в другой — палочки, с удовольствием разговаривая и смеясь. Только Шэнь Вэнь молчал, низко склонившись над своим маньтоу, изредка прихватывая палочками дикорастущую зелень с тофу.

Жена Лю Фа взяла пустую чашку, щедро наполнила ее тушеной свининой с лапшой и положила побольше кусочков свиной грудинки. Поставив чашку к его руке, она тихо сказала:

— Ешь побольше, наедайся.

Шэнь Вэнь благодарно улыбнулся, подняв глаза. Его исхудавшая фигура, где кости почти

проступали под кожей, заставила ее тяжело вздохнуть, хотя на лице оставалась успокаивающая улыбка.

Шэнь Вэнь кивнул, откусил кусок маньтоу, но, не успев попробовать приготовленное для него блюдо, замер. Снаружи, из-за ворот, донесся громкий и злобный голос, полон ругани.

Его лицо сразу изменилось, рука с палочками застыла на полпути, слегка дрожа.

Жена Лю Фа тоже помрачнела. Она отложила палочки, встала и направилась к дверям. Остановившись на пороге, она крикнула вошедшей в двор женщине:

— Это еще что такое! Кого вы здесь ругаете?

Посетительнице на вид было лет пятьдесят-шестьдесят. Ее лицо нельзя было назвать полным, но кожа обвисала к уголкам рта, образуя складки. Выражение было неприятным, хоть улыбка на губах выглядела почти вежливой. Женщина ответила с деланой учтивостью:

— Жена Лю, вы, видно, ужинаете. А я пришла за своей невесткой, хочу забрать его домой.

Лю Фа услышала, как за ее спиной раздались мелкие торопливые шаги, кто-то подбежал. Она сразу поняла, что это Шэнь Вэнь, и повернулась немного, загоразивая собой дверь, чтобы он не мог выйти.

Обратившись к стоявшей у порога женщине, она спокойно сказала:

— Тетушка, Шэнь Вэнь помогает мне с самого утра, сейчас он ест. Как доест, я сразу отправлю его обратно.

Но лицо старухи помрачнело, и она с раздражением выкрикнула:

— Ест, значит? Да пусть он сожрет хоть своего отца! У него еще хватает наглости тут обедать, когда дома куры и утки орут от голода, грязные вещи не постираны, а еда не приготовлена! И он еще имеет совесть есть?!

Лицо жены Лю Фа стало суровым, и она твердо ответила:

— А что, в вашем доме только он один руки-ноги имеет? У других невесток тоже есть дела, но они спокойно едят у меня. Почему же ваша невестка не имеет на это права?

Старуха Ван холодно усмехнулась:

— Другие невестки хоть рожать умеют! А эта никчемная тварь — пустая трата денег! Посмотрели на его красивую мордашку, сын мой сразу его взял в семью, я немало выложила за свадебный выкуп, а в итоге он даже хуже курицы, которая хоть яйца несет!

— Ты... — у жены Лю Фа побелело лицо от ярости. В это время Шэнь Вэнь, худой и хрупкий, все же прорвался мимо нее, вышел во двор. Старуха Ван злобно посмотрела на него, подняла руку и со всего размаха ударила его по лицу. От этого удара он пошатнулся и чуть не упал в грязь.

Не обращая внимания на мрачное лицо жены Лю Фа, старуха схватила Шэнь Вэня за руку и потащила его прочь. Жена Лю Фа, кипя от гнева, выкрикнула вслед:

— Тетя Ван, вам уже немало лет, хоть немного совести накопите! Не бойтесь, что потом расплата придет?

Старуха Ван обернулась, вновь ударила Шэнь Вэня по лицу так, что его голова ударилась о стену, и с презрением сказала:

— Если расплата и будет, то она обрушится на этого бесполезного выродка, который даже ребенка родить не может!

Держа невестку, который едва держался на ногах, она потащила его обратно. Жена Лю Фа от злости только топнула ногой.

Рядом стоящие женщины старались успокоить ее:

— Да брось ты! Не вмешивайся в их дела. Эта старая карга и ее сын — не люди. Свяжешься с ними, сама потом не отмоешься!

Жена Лю Фа, лишенная другого выхода, постояла у двери, бросила пару ругательств, а затем, вздохнув, с опущенной головой вернулась в дом.

Внутри, когда снова сели за стол, за ним уже не хватало одного человека. Чашка, куда специально положили побольше ломтиков свинины с лапшой, стояла на столе нетронутой, одиноко выделяясь среди остального.

Шэнь Вэнь, которого тащили и пихали всю дорогу, вернулся домой. Зайдя в дом, он поспешно вымыл руки и принялся готовить еду. Коробки с рисом и маслом в доме почти опустели. Он хотел сказать об этом свекрови, но боялся ее гнева, боялся, что она снова начнет его бить. Поэтому он насыпал немного сорго, смешал его и кое-как сварил кастрюлю риса, затем приготовил простое жареное блюдо из зеленых овощей. Это и стало их ужином.

Едва Шэнь Вэнь начал есть в доме Лю Фа, как его уже потащили обратно. Его желудок все еще урчал от голода, но, видя молчание старухи Ван, он не осмеливался сесть за стол.

Он некоторое время стоял рядом с обеденным столом. Лицо старухи Ван, пока она ела, внезапно переменялось, и она резко бросила:

— Ты что, деревянный болван? Не видишь, что во дворе куры и утки кричат? Бегом работать!

Шэнь Вэнь поспешно выбежал из дома кормить птицу. Сзади он услышал, как старуха ругается:

— Нам с моим сыном просто не повезло! Такой бездельник достался, только и знает, что жрать!

После обеда Шэнь Вэнь постирал грязную одежду всей семьи, убрал дом, а затем отправился на гору, чтобы накопать диких трав для корма курам и уткам. Вернувшись, он снова принялся готовить ужин.

Старуха Ван вновь не позволила ему сесть за стол. Шэнь Вэнь был так голоден, что у него уже темнело в глазах. Пока он мыл посуду, он тайком выпил пару глотков воды из кастрюли, где варили рис.

Однако такие дни можно было назвать еще не самыми худшими. По крайней мере, Ван Хэяю сегодня не было дома. Возможно, он ушел куда-то играть в азартные игры. Часто он пропадал на всю ночь. В такие дни после того, как свекровь засыпала, Шэнь Вэнь хотя бы мог немного вздохнуть спокойно.

Но воровать еду все равно было невозможно: старуха запирала все шкафы на замок. Под ее подушкой лежала большая связка ключей, и без ее разрешения никто ничего из шкафов достать не мог.

Сегодня Шэню Вэню не повезло. Свекровь только успела лечь, как из двора раздался скрип ворот. Вскоре в дом, пошатываясь, вошла фигура, источающая запах перегара.

Старуха выскочила из комнаты, словно разъяренный бык, с громко звенящей связкой ключей в руках. Она пнула Шэнь Вэня, вышедшего посмотреть, что происходит, прямо в ногу. Затем сунула ему связку ключей и прорычала:

— Ты что, бревно? Не видишь, что твой муж вернулся? Быстро беги варить ему похмельный суп!

От удара у Шэнь Вэня закружилась голова, он рухнул на колени, тонкая кожа на коленях разодралась об острые камни, боль пронзила его так, что лицо побледнело, а дыхание стало прерывистым.

Но задерживаться он не посмел. Стиснув зубы, он поднялся, шатаясь, и побежал в кладовую. В

то время как из комнаты доносились заботливые «ай-яй-яй» свекрови, обращенные к ее сыну, Шэнь Вэнь быстро открыл шкаф и, пока никто не видел, схватил кусочек соленого овоща, чтобы хоть как-то утолить голод. Проглотив его почти не жуя, он поспешил собирать ингредиенты для супа.

Когда суп был готов, свекровь забрала ключи и ушла в комнату, чтобы самой покормить сына.

Шэнь Вэнь остался в кладовой, сидя на низкой табуретке, добавляя уголь в печь. Его уши улавливали звуки из комнаты, где свекровь жаловалась сыну:

— Представляешь, он опять отлынивал от работы, пришлось пойти в дом Лю Фа и даже устроить скандал с его женой. А дома вообще распоясался, работать не хочет!

Скованный страхом, Шэнь Вэнь сжался в комок, опустив голову на колени. Слезы текли по его лицу, просачиваясь через ткань изношенных хлопковых штанов, а его тело едва заметно дрожало.

Дверь комнаты с громким треском распахнулась. Запах перегара разлился по воздуху. Шэнь Вэнь инстинктивно вздрогнул всем телом. Тяжелые шаги приближались, а затем подошвы обуви обрушились на его плечи и спину с яростью урагана. Грубый голос Ван Хэяо, полон злобы и презрения, раздавался над ним:

— Тварь, никчемное животное!

Шэнь Вэнь сначала терпел удары, но боль становилась невыносимой. Он упал с табуретки, но это не остановило Ван Хэяо. Удары продолжали сыпаться, теперь уже по лицу, груди и бедрам. Не в силах сдержаться, Шэнь Вэнь закричал от боли, катаясь по холодному полу.

В этот момент крикам Ван Хэяо вторил подбадривающий голос свекрови:

— Бей, бей сильнее! Добей этого дармоеда! Убей его, а я тебе новую жену найду!

Бесконечные удары звучали как удары молота в голове Шэнь Вэня. Мир перед его глазами начал плыть, боль превратилась в бесконечное эхо, и, потеряв силы, он упал на холодный каменный пол, теряя сознание.

□□.....

После полудня Цю Хэнянь принес яблоки, но не остался на ужин и вскоре ушел. Цин Янь съел одно большое яблоко целиком и, чувствуя себя не особенно голодным, решил сначала покормить цыплят.

Цыплята уже подросли — теперь их трудно удерживать в клетке, а в доме от них появился бы запах. С потеплением Цин Янь выпустил их на свободный выгул во дворе.

Курытник для них построил Цю Хэнянь из старых досок. Материал был собран кое-как, но работа выполнена добротнo: курытник напоминал маленький домик с крышей и карнизами. Пол внутри сделан из сетки, сплетенной из веревок, над сеткой проходила перекладина.

Когда цыплята вечером возвращались в курытник, они могли сидеть на перекладине или устроиться на сетке. Помет при этом проваливался через ячейки прямо на землю, и достаточно было регулярно убирать его, чтобы в курытнике оставалось чисто и сухо.

Цин Янь нарезал на разделочной доске листья дикого цикория, собранные на берегу реки у ворот, смешал их с кукурузной кашей и выложил в деревянное корыто. Едва он опустил его на землю, как цыплята сбежались со всех сторон, склонили головы и дружно принялись клевать корм.

Цин Янь присел рядом и некоторое время наблюдал за ними. Чем дольше он смотрел, тем радостнее становилось на душе. Еще чуть больше месяца — и цыплята окончательно вырастут. Тогда можно будет наслаждаться домашними яйцами.

После ужина Цин Янь отправился в город. Он ходил по разным местам и расспрашивал, но нашел лишь нескольких странствующих торговцев. Однако дальше Центральной равнины никто из них не забирался. Чтобы отправиться на такие расстояния, нужно примкнуть к большому каравану. Но ни один из местных торговцев не был готов платить большие деньги за такое путешествие.

Один из торговцев рассказал, что в уезде, возможно, есть караван, который иногда отправляется на юг. Однако куда именно — он не знает, да и неясно, есть ли у них в этом году планы на такую поездку. Путь до уезда был далеким, и сегодня туда уже не попасть. Цин Янь почувствовал разочарование, но понимал, что такое дело не решить за один день. Даже если удастся найти торговца, готового ему помочь, на передачу вестей уйдет несколько месяцев. Поспешить здесь было невозможно, и ему ничего не оставалось, как вернуться обратно в деревню Люси.

Днем Цю Хэнянь все время провел в своей мастерской. Вернувшись после доставки яблок, он наскоро перекусил едой, которую для него оставил ученик, и снова взялся за работу. Один из котлов почти был готов, а заказчик обещал зайти за ним после обеда.

Когда котел был закончен, заказчик как раз пришел. Он остался доволен работой, заплатил серебром и забрал товар.

Следующая работа не была срочной, поэтому Цю Хэнянь решил научить Сяо Чжуана работать молотом. Мальчишка уже давно хотел попробовать, но мастер все откладывал: ученик был слишком юн, а телосложение — недостаточно крепким.

Когда Цю Хэнянь искал ученика, желающих было много, но Сяо Чжуан, с его слабым здоровьем и робостью, казался наименее подходящим кандидатом. Однако в его семье, где детей было много — старший брат, трое младших братьев и сестер, — почти не хватало средств, чтобы всех прокормить. Сам Сяо Чжуан был трудолюбивым, честным и выносливым, что в итоге склонило выбор мастера в его пользу.

Сегодня, воспользовавшись свободным временем, Цю Хэнянь решил дать мальчику попробовать свои силы. Он объяснил ему основные приемы, но стоило Сяо Чжуану ударить молотом первый раз, как он тут же чуть не потянул спину и со страхом заявил, что второго удара не осмелится нанести.

Цю Хэнянь покачал головой и тяжело вздохнул, но ругать ученика не стал, лишь сказал, что можно будет попробовать позже.

Сяо Чжуан с печальной физиономией сел на пороге мастерской и уставился вдаль, погруженный в свои мысли. В это время он услышал окрик возницы: «Но!» — и увидел, как у мастерской остановилась повозка, запряженная быком. Из нее с сияющей улыбкой вылез Лю Фа.

Он расплатился с возницей, отпустил его, а сам зашел в мастерскую. Проходя мимо Сяо Чжуана, он сунул ему в руку горсть медных монет и сказал:

— Малец, иди, развлекайся!

Сяо Чжуан с удивлением посмотрел на монеты в своей ладони, потом перевел взгляд на мастера. Цю Хэнянь слегка кивнул в ответ, и лицо мальчишки озарилось улыбкой. Мгновенно забыв о грусти, он радостно вскочил и помчался прочь.

Лю Фа вошел в мастерскую и с размаху опустился на стул, с легкой улыбкой спросив:

— Сейчас уже не занят?

Цю Хэнянь коротко кивнул и, оглядев его с головы до ног, поинтересовался:

— В город ездил за покупками?

Лю Фа махнул рукой и протянул:

— А как же! Все это время только этим и занимался. Отец, пока был жив, больше всего переживал за моего младшего брата. Когда умирал, держал меня за руку и без конца повторял: «Позаботься о нем. Когда он женится, обзаведется женой, тогда я, считай, выполнил бы свой долг».

Они еще немного поговорили о том о сем, и вдруг Лю Фа вспомнил что-то, схватил свёрток, лежащий у ног, и начал в нем копать.

— Ах да! — воскликнул он, вытаскивая из свертка какой-то предмет. — Я в книжной лавке был, прихватил для тебя одну штуковину.

Лю Фа наконец нашел то, что искал, и, выдержав паузу для интриги, протянул сверток Цю Хэняню с загадочным видом.

Цю Хэнянь взял сверток, развязал ткань и обнаружил внутри книжечку без названия. Размер ее был средним, объем — тоже не слишком большой.

Он мельком взглянул на Лю Фа, который ободряюще улыбнулся и сказал:

— Открывай, смотри.

Цю Хэнянь развернул обложку и, глянув на первую страницу, тут же с хлопком закрыл книгу.

Лю Фа только хихикнул.

— Хорошая вещь, да? Я вообще-то брал ее для Лю Цая, но подумал, почему бы и тебе не взять. Такие штуки обычно старшие в семье готовят, но раз уж наших родителей нет, старшему брату все приходится брать на себя.

Видя, что Цю Хэнянь продолжает хранить молчание, Лю Фа подался ближе, понизив голос, и пояснил:

— Всем новобрачным надо такие книги читать. А то ведь эти молокососы ничего не понимают, натворят глупостей, да еще кого-нибудь покалечат!

Веки Цю Хэняня слегка дрогнули, и он поднял на него глаза.

Лю Фа снова наклонился к нему и, еще больше понизив голос, добавил:

— А уж женатым тем более полезно. А то бывает, дело не ладится, удовольствия — никакого. Супруг долго так не протянет, возьмет да и уйдет к другому! — он подмигнул, явственно намекая на что-то.

Затем он принялся живо и с азартом рассказывать, как жена старшего сына старика Ли из соседней деревни сбежала к другому. Он не замечал, что Цю Хэнянь все это время сохранял необычное молчание.

Когда история о сбежавшей жене подошла к концу, книжечка, что была у Цю Хэняня в руках, уже оказалась убрана в карман.

<http://bllate.org/book/13590/1205191>